

УДК 821.161.1.09(Ватутина М.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Л. Д. Гутрина Л. D. Gutrina
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«ЭТО НАША РОДИНА, РАЗРЕЗ...»:
ДРАМАТИЗМ ИСТОРИИ
В ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГЕ М. ВАТУТИНОЙ
«НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ»**

**“THIS IS OUR HOMELAND, A CUT SET...”:
DRAMA OF THE HISTORY
IN LYRICAL BOOK BY M. VATUTINA
“ON THAT TERRITORY”**

Аннотация. Метасюжет лирической книги современной поэтессы Марии Ватутиной, связанный с осмыслением автором конфликта «человек и история», выявляется через обращение к элементам рамочного комплекса, мотивной структуре книги (мотивы сожжения, сгорания, болезни, праха, урны), образу лирического субъекта.

Abstract. Metaplot of the lyrical book by the modern poetess Marya Vatutina, connected with the interpretation of the conflict “human being and history” by the author, is revealed by means of reference to the elements of the frame complex, motive structure of the book (motive of burning, illness, ashes, urn), image of a lyrical subject.

Ключевые слова: М. Ватутина; современная поэзия; женская поэзия; Советская эпоха; лирическая книга; человек и история.

Key words: M. Vatutina; modern poetry; female poetry; Soviet epoch; lyrical book; human being and history.

Сведения об авторе: Гутрина Лилия Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы.

About the author: Gutrina Liliya Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 279.
e-mail: gutrina@bk.ru.

Один из первых исследователей лирической книги как феномена, поэт и филолог А. Кушнер считал именно время главным героем поэтической книги [Кушнер 1975: 75]. Речь идет о времени лирического субъекта, осмысляющего вопросы частного и общего существования, и это осмысление продемонстрировано автором посредством особой организации текстов, моделирующей своего рода «кусочек судьбы».

Она, чье возмужание совпало с сокрушенным и сокрушаемым временем... И еще одно обстоятельство: Мария Ватутина как поэт укоренена в этом времени, она чувствует то, что можно назвать социальным драматизмом и — шире — „трагической подосновой мира“ (Е. Винокуров)» [Волгин 2006].

Книга М. Ватутиной «На той территории» [Ватутина 2010], автора пяти лирических книг и поэтических сборников, юриста, журналиста, воспринимается не только как высказывание о себе и только поэтому и о времени тоже, — она воспринимается именно как книга, посвященная *теме времени*.

В. Гандельсман в предисловии к книге «На той территории» фиксирует: «По стихам Марии Ватутиной можно восстанавливать генеалогию — столько там поименованных родственников: баба Мотря, дед Иван, Петр Буряк, Городничкие... А можно — географические реалии — мелькают вокзалы, населенные пункты, улицы, больницы, реки, Ноев ковчег, Тайнинская, Ярославка, Остроумовка, Яуза, Казанский, Фундуклеевка... Именно так: от Ноева ковчега до Фундуклеевки» [Гандельсман 2010: 4]. Н. Явлюхина считает, что «Ватутина изучает прошлое — пристально и подробно, как место катастрофы» [Явлюхина 2010].

Острое переживание времени — черта, определяющая индивидуальность поэтессы. Вот фрагмент рецензии И. Волгина на книгу М. Ватутиной «Перемена **времен**»: «Мы имеем дело (именно дело, которое необходимо исполнить) с очень современным поэтом, чья лирическая память отнюдь не свободна от наследственного груза истории и культуры. Именно они, история и культура, есть способ существования этого поэтического мира, обладающего чутким и преемственным лингвистическим слухом и в то же время говорящего с нами на собственном художественном языке... Это голос поколе-

О значимости темы времени в книге «На той территории» свидетельствуют названия поименованных стихотворений — «Абсолютное время», «Часы», «Малая история Спасо-Андроникова монастыря», «Памяти отца (4 сентября)», «18 мая», «2008», «Високосный год».

Статья выполнена в рамках проекта «Книга стихов как культурный феномен России и Беларуси», грант РГНФ-БРФФИ № 13-24-01001.

В первом разделе книги на одном развороте расположены два стихотворения, ука-

зывающие на специфику понимания Ватутиной времени, — это стихотворения «Абсолютное время» [Ватутина 2010: 20] и «Часы» [Там же: 21]. В первом создается модель времени, которое течет без внесенных человеком мер (лет, дней, часов, минут, секунд, а также добра и зла), это чистое — «абсолютное» — время кур, уток, шмелей, кроликов, смысл существования которых — в насыщении и размножении:

*Купались курочки в пыли
Нырjali утки в местных лужах
Сновали ленные шмели
На лесопилке возле стружек.*

*И кролик за ухом чесал
И мир существовал без правил
Как будто в собранных часах
Никто пружинку не поставил*

*Как будто время в них текло
Само собой как шмель летает...*

[Там же: 20]

Существование человека подразумевается (лесопилка, стружки, собранные часы), но его время течет параллельно времени насекомых и животных. Антитеза «звери — люди» намечается, но пока безоценочно; эта антитеза станет значимой для книги в дальнейшем.

Стихотворение «Часы» вводит в книгу историческое время: автор повествует о возвращении из Германии в 1947 г. родственника, везущего среди купленного подешевке скарба часы, «выменянные на говяжье сердце»:

*Присутпы у часов каждые полчаса,
Каждые двадцать минут, каждые десять.
Боже, прости меня за непрекращающийся
Этот бой часов, этот вой часов
сквозь города и веси.*

[Там же: 21]

Если в «Абсолютном времени» время стояло на месте, то историческое время движется стремительно, лихорадочно, постоянно меняя ритм (полчаса, двадцать, десять минут); бой часов превращается в вой — метафору страдания, которое может лишить человеческого облика (антитеза «люди — звери» подразумевается). Может быть, поэтому так неровна ритмика стихотворений М. Ватутиной: она тяготеет к тоническому стиху, к такой его разновидности, как акцентный стих. В. Гандельсман пишет: «Истоки говора-говорка, столь часто встречающиеся в стихах Марии, — в русском фольклоре, в раешнике, ... в современных и по-разному преображенных формах такого рода поэзии: у Пушкина, Некрасова, Хлебнико-

ва, Белого, Блока и многих других» [Гандельсман 2010: 5].

В книге М. Ватутиной в избытке упоминаются страшные исторические события и периоды: первые годы советской власти («Концлагерь» [Ватутина 2010: 36]; «Гужон» [Там же: 36]; «Колония» [Там же: 37]), Великая Отечественная война («Бабка красит седину...» [Там же: 26]), уничтожение евреев («Феодосия. Фиделев» [Там же: 24]) и Большой террор («18 мая» [Там же: 58]), перестроечное время, 1980-е гг. («Симиренко» [Там же: 15]; «Шел трамвай. Ужасный номер...» [Там же: 59]), чернобыльская трагедия [Там же: 45], теракт в Беслане в 2004 г. («Памяти отца» [Там же: 47]).

Метафорой исторического времени в книге становится високосный год: и 2004-й (год теракта в Беслане), и дважды упомянутый 2008-й, — високосные годы. Високосный год, своего рода аномалия, ассоциативно притягивает *мотивы болезни*. Кроме того что в художественном мире книги очень много больных людей (героиня стихотворения «Матершинница, поздняя мать, за кавказца замуж...» — жена чернобыльца, «двух мертвеньких» родила [Там же: 45]; лирической героине поставлен диагноз «бесплодие» [Там же: 116], Сафроныч «слег и бросил пищу принимать» («Сафроныч» [Там же: 61]), одинокая старуха-врач «жалуется на ноги», «Старухе страшно, у неё диабет, как у Нонны» [Там же: 83]), *само движение исторического времени сродни заболеванию* — оккупация Феодосии характеризуется так: *в девятой дивизии двинулся комиссар / распространяется пандемия / расстрелов / заразны все и млад и стар / Россия / имя тебе карантин / зверь поселился в каждом* [Там же: 23]. В заявленной антитезе «люди — звери» звериное воспринимается как разрушительное, страшное, противоположное разумному, человеческому.

В начале и финале стихотворения «Памяти отца» [Там же: 47], в основе которого лежат события бесланского теракта в сентябре 2004 г., возникает «телесная» метафора — *сопоставление времени с расплывающейся от боли сердечной мышцей*:

*Так закручено время, как будто его
отжимали.*

*Первый раз в первый класс мы отца
провожали.*

А три года назад провожали отца...

*Это в памяти насмерть заело, застряло,
С этой болью не спрятаться под одеяло,
Это выело напрочь всю радужку глаз.
И бесланский сентябрь в задымлённе*

и саже,

*И отца, что смотрел по Москве
репортажи,
Поминаю совместно в назначенный час.*

*Кто сидит в мастерской перед пыльным
экраном:
В спайки мозга вплетается рой
над Бесланом?
Не вживайся, иди мастеру!
Нет, сидит умирает, снаружи дымится.
И по швам расползаясь,
сердечная мышца*

Замирает внутри.

Образ расползающегося времени сродни порванной «дней связующей нити» Шекспира, что придает поэтическому высказыванию измерение трагедии. Бесланский теракт поражает зрение («выело радужку глаз»), мозг («в спайки мозга вплетается рой над Бесланом»), приводит к сгоранию человека.

От данного стихотворения две смысловые ветви ведут к другим текстам книги: *кавказская тема* объединяет его со стихотворением «Билал» (*Семилетний чеченец в московской школе / грозит зарезать соседа по парте / И проводит ребром ладони себе по шее* [Там же: 46]), а тема *сгорания, трансформированная в тему сожжения*, — со стихотворением «Печь», коллизия которого разворачивается вокруг того, что беременная женщина внезапно узнает о лютой ненависти, питаемой ее мужем к евреям:

*Тысяча алых гвоздик засыпана в печь.
Огонь расплавляет живое
Не хуже, чем мертвое — книгу там
или речь.*

*Лепестки лопаются. Наши дни. Двое
Сидят в Савое. Он говорит: — Война
Сожрала пархатых, но можно было бы
и побольше.*

*Они снова во всех щелях. Она
Молчит. У нее прабабка из Польши.
Страшно его, но она молчит ему.
Потому что вдоволь под сердцем сына...
Гвоздики трещат по швам. Этим
треском*

*Глохнут уши мертвому малышу
В бараке детском.
Красные лепестки: ушные раковины,
ноготочки,
Веки, тонкие. Как паутина, пальцы,
мошонка.
Она встает и уходит в матери-одиночки.
[Там же: 54]*

Три рассмотренных стихотворения объединяются мотивами дискриминации и экстремизма, ненависти человека к непохожему, Другому. По Ватутиной, именно религиозный и идеологический экстремизм — бич време-

ни, его фатум. Финальные слова стихотворения «Билал» — «не по-людски» — вновь подчеркивают противопоставленность людей и зверей в художественном мире книги, но теперь речь идет об озверении человека:

*У Билала глаза, полные злой тоски,
Словно бог, заведующий всем известной
частью Кавказа,
Распахнул вручную два эти глаза,
Да уж больно резко, больно и резко,
не по-людски.*

Интерес к истории реализуется в книге в *мотиве раскопок*, возникающем в стихотворении «На той территории». Мотив *погружения в землю* является для стихотворения центральным: *а эти живут здесь, как вкопанные в чернозем; спускаясь в низину; погружаясь в низину; увидишь какой сообразный скелет; забьешься в такую-то дачу и вылезти лень*. Этот мотив может быть интерпретирован двояко: во-первых, как умирание человека, что поддерживается упоминанием гробницы и червей в предпоследней строфе (*На той территории лишь продолженья Ли-Шань, / Гробница, в червивое чрево которой нас всех закатали*); кроме того, лирическое «Я» осознает себя частью «мы», причем мы неоднократно названы «терракотовыми», а терракота — буквально обожженная глина, что объясняет акцентирование в книге мотива сожжения («Печь», «Гужон», «Памяти отца»). Ватутина видит людей терракотовыми фигурками, воинами «Терракотовой армии», часть фото которых и опубликована на обложке разбираемой книги. Терракотовая армия — захоронение более 8000 терракотовых статуй китайских воинов (пехотинцев, лучников и конников) и лошадей, найденное рядом с гробницей китайского императора Цинь Шихауди (210 г. до н. э.) неподалеку от горы Лишань в 1974 г. (раскопки ведутся до сих пор). Огромное количество драгоценностей и изделий ремесленников было захоронено вместе с императором. Фигуры солдат отличаются друг от друга лицом, облачением, даже техникой изготовления — знак того, что статуи изготавливались в разных районах Китая. «С 1987 года Терракотовая армия внесена в список мирового культурного наследия. Цинь Шихуанди, которому в 221 году до н. э. удалось объединить Китай, стал первым императором государства. Он приказал изготовить статуи воинов этой армии, чтобы они последовали за ним в потусторонний мир» [Петрова 2010]. Тогда «та территория» — это прошлое человечества, связанное со смертями и насилием, подчинением тирану, замураванностью в земле, похо-

роненностью заживо (вместе с императором были похоронены и живые люди), которое — парадоксально — оказывается и настоящим. В промежуточном варианте стихотворения финал был таким:

*На той территории вечером танцы
и смех,
Как будто раскопки закончились в той
половине гробницы.
Но воины здесь оживут, лишь когда
раскопают нас всех,
И с той, и с другой стороны
неприступной границы.
[Блог Н. Горбаневской]*

Лирическая героиня в данном варианте стихотворения мыслит и себя частью гробницы и Терракотовой армии, археологическим экспонатом — из-за своей принадлежности Советской эпохе.

Во-вторых, мотив погружения в землю связан с темой раскопок, с активным отношением человека к истории. Очень важно, что для лирической книги «На той территории» Ватутина выбирает иной вариант окончания стихотворения:

*Таксист вынимает багаж и дает по газам.
Вот лом и кирка. Переходим овраг
и по тропке.
Там конь не валялся. Зарыт
среднерусский сезам,
В нем тьма истуканов. Идут полевые
раскопки.*

Здесь героиня не объект археологической экспедиции, но ее субъект, именно она намерена отыскать «Терракотовую армию» на территории России. Этому посвящен, в частности, цикл «Малая история Спасо-Андроникова монастыря».

Цикл строится как движение от старины к современности, когда «расписались в книге соборной / ты отец я мать» [Ватутина 2010: 38]. В девяти стихотворениях цикла Ватутина воссоздала вехи истории древнейшего московского монастыря: его возникновение в XIV в. благодаря чудесному спасению митрополита Московского Алексия во время путешествия по Черному морю («Золотой рожок»); приглашение Алексием Сергия Радонежского для строительства монастыря и благословение, данное Сергием любимому ученику Андронику («Андроник»); прощание Сергия и Андроника («Проща»); приглашение иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного для росписи храмов («Молитва Андрею»); трехдневное заточение в монастыре Аввакума («Аввакум»); создание в монастыре по желанию царицы Евдокии Лопухиной в конце XVII в. (1691 г.) семейной усыпаль-

ницы Лопухиных, которая была уничтожена вместе с монастырским кладбищем в 1928 г. («Колония»); в 1922 г. в монастыре был создан первый концлагерь ВЧК, в котором отбывали наказание враги советской власти, в 1928 г. открыта колония для беспризорных, а затем — общежитие для рабочих завода «Серп и молот» («Концлагерь», «Гужон»).

Советский период существования монастыря связан с разорением кладбищ и экспериментами над живыми:

*Сколько сколков насыпали тут в тенечке
Прикопали переворошили прошлые кости
Подвинься кто там с красками в туесочке
Ты тут не на погосте
Принимай буржуев в горести и коросте...
[Там же: 36]*

*И выходят толпой на улицу
Федор Волков, Лопухины,
За Андреем Толстые хмурятся,
За Толстыми Аладьины
Опустела телом скудельница
С мясом вырвали из земли
Ты кацея моя медведица
Беспризорники вы мои.*

[Там же: 37]

В стихотворении «Гужон» Ватутина обновляет страшную метафору из тихоновской лирики — метафору человека-гвоздя (уже упоминалось, что в конце 1920-х гг. в монастыре размещалось общежитие рабочих завода «Серп и молот»): в ее стихотворении человек, отдавший жизнь социалистическому труду, — это человек-гужон («Гужон — болт с винтовой нарезкой и с квадратом на головке для ввинчивания ключом. Употребляется для соединения листов со стальными отливками или поковками. После ввинчивания квадратная головка срубается» [Самойлов 1941]):

*А вот кому трубы стальные новые
и лежалые
А вот кому гвозди из этих людей
живущих без жалобы
Без жалобы и без жалости
в мартеновской печи плавленных
Из людей обезглавленных.
[Ватутина 2010: 36]*

Мотив печи, сожжения, обжига сближает советскую эпоху с теми явлениями экстремизма и дискриминации, которые уже были упомянуты, с древними захоронениями в гробницах.

Образ людей «расплавленных», людей без воли создается и в «Колыбельной» [Там же: 44]. Вместо мира классической колыбельной — уютного мира дома, комнаты, колыбельки — в стихотворении перед читателем

«ночлежка на краю»; пространство характеризуется так: *на конюшне страшно и темно; вокруг левады гниль и нищета, вся левада топкая с ладошку; мокрым сеном тянет от тюков; во дворе заблеваный верстак; загон.* У Ватутиной не прочерчена жесткая граница между надежным миром дома и тем, что за его пределами, — весь мир страшен и убог. Люди здесь не живут, а «преют»:

*Мокрым сеном тянет от тюков.
— Лошади — тупые, — гнет хозяйка.
Ад животных именно таков.
Спи, мы в этой жизни — люди, заяка.
Хоть и преем в этих же местах...*

В этих строчках слышен отголосок образа тютчевского человека-тростника:

*Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И роцет мыслящий тростник?*
[Тютчев 1987: 220]

Высокое представление о человеке как мыслящем тростнике, противостоящем всему остальному миру разумом и стремлением к свободе, дискредитировано у Ватутиной: человек низведен до состояния прелой, гниющей соломы, поэтому животные в художественном мире стихотворения оказываются куда симпатичнее, разумнее человека:

*Все пришли в ночлежку на краю:
И овечка, и верблюду, и пони.
Спи, ребенок, баюшки-баю,
Сухо и тепло у нас в загоне.*

Существование, которое ведут герои стихотворения, названо «адам животных», и в этом контексте возникает тема родины и эпохи:

*Это наша родина, разрез.
От соседки пук чертополоха.
Если очень плохо, можно в лес.
Спи, сынок, такая уж эпоха.*

Представление о *такой* родине внушается малышу песней матери — его также готовят к бессловесному, убогому, несвободному существованию.

Тема *раскопок* продолжается в начале второго раздела книги — в стихотворении «Вот страна моя, картой на стенке...»:

*Помнишь, эти обои клеила мама прошлой
эпохе в тон.
Под обоями слой за слоем: „Правда“,
труха, бетон.*

*За бетоном деревянные перекрытия,
клад под бревном.
Много красного в новостийной заставке,
много черного за окном...
Так и чудится, за последним слоем
на деревянном столе
Прадед Иван лежит посредине комнаты,
на челе
У него испарина. Он назвал свой
последний час.
Попрощается и умрет, не дождавись
нас.
[Ватутина 2010: 43]*

Слои наклеенных на стены дома газет и обоев оказываются слоями истории, а сдирание этих слоев в преддверии ремонта — углублением в нее. Созерцание каждого слоя рождает в героине воспоминания; стена родного жилища оказывается стеной, в которой собраны прах эпохи («труха») и ее суть («бетон»). Это своего рода аналог Кремлевской стены с той лишь разницей, что в стене Кремля — официального символа СССР — захоронены урны с прахом героев, а в стене частного дома похоронена история. Каждая семья, каждое жилище становятся хранением праха и сути эпохи. Финальные строки стихотворения вновь возвращают к «кавказской» теме через фигуру «азиата»:

*...А в конце июля нанятый азиат
Залатал все щели. Выровнял стены.
Ничто не цепляет взгляд.
[Там же: 43]*

Экспансия «азиатчины» в жизнь современной России опасна, по Ватутиной, тем, что уничтожается память: сносятся старые здания — хранители истории страны, а это то же самое кощунство, которое было описано в цикле «Малая история Спасо-Андроникова монастыря».

Итак, по сравнению с «абсолютным временем» животных, время истории, в котором живет человек, наполнено страданием, болью, ненавистью, дискриминацией.

Но не только боль и зло вносит в мир человек: не случайно в книге Ватутиной много стихотворений, в которых осмысливается тема отношений родителей и детей. В стихотворении «Глечик» старик («выглядит человеком, но пахнет смертно») везет в душном вагоне глиняный кувшин с прахом отца для захоронения возле могилы матери [Там же: 17]; в стихотворении «Не боюсь дары приносящих...» героиня вспоминает любовь к себе своей многочисленной семьи, еще в детстве убеждается в том, что «человек — это хранилище для даров» [Там же: 84]; понимание «ужасов глубины» жизни приходит

к человеку именно из связи с предками. В одном из стихотворений внука, обливаясь слезами, ест бабушкин борщ:

*Не трави мне душу прошедшим временем
времени нет вообще
Время плавает черным семенем
В бабушкином борще*

[Там же: 95],

в другом разбирает вместе с бабушкой гречку:

*Стар и млад. Сидят напротив.
Все им мало.*

*На работе остальная их семья.
Горка ядрицы одна у них сначала.*

А потом у каждой черная, своя.

[Там же: 57]

Объединяет стихотворения образ «черных точек» — это то семена, то крупинки неочищенной гречки; эта деталь связана с осознанием времени и жизненного пути: человеческое время — это боль, ответственность и память:

*И готовлю, и батрачу, и шарманю.
Как там с крупами у вас на небесах?
...Видит гречку — непременно бабу Маню
Вспоминает — точки черные в глазах.*

[Там же: 57];

*Ешь и учись тоже будешь женщиной
Маленький мой мятеж
Подавляет лихой затрепещиной
Не выйдешь пока не съешь.*

[Там же: 95]

Ватутина пишет о том, как трудно складываются отношения между родными («Два зеркала» [Там же: 96]; «Все! Все! Все!..» [Там же: 121]), но и о самоотверженности в семейных отношениях: в стихотворении «Крестная» четырехлетняя девочка счастлива в доме крестной, во время войны потерявшей маленького сына:

*Постукиванье ветки о стекло,
Свеченье ночника и дребезжанье
Посуды в горке. Крестной ремесло
Ревнивое, слепое обожанье
Четырехлетней крестницы. Родня
И рада сбавить девочку, покуда
Дежурства и разводы, и грызня,
Тем более у девочки простуда...*

[Там же: 99]

С учетом этого нельзя согласиться с Н. Ярохиной, охарактеризовавшей мир книги Ватутиной как «ад» («Жизнь, вернее, женская жизнь, пронизанная пульсацией греха и страха, простреленная маточной болью, сбита в мясной ком из старух и младенцев, в трактовке Ватутиной — нехороший циничный обряд, проводящийся над теми, кто во-

обще-то далек от религии» [Ярохина 2010]). В этой книге тема исцеления от болезни истории звучит — и довольно явственно — в уже хорошо знакомой больничной метафорике:

*Ничего, что дождь и на поезд — нет,
Ничего, что биржа затмила свет,
Свет и так приглушен был изначально.
Кто-то малыши до сих пор
В нас вливает счастье,*

*как физраствор,
И глядит сиделкой на нас печально.*

[Ватутина 2010: 62]

К финалу книги появляются упоминания Христа («рыба рыба с розовым животом» [Там же: 109]), Богородицы («Полон не ответов, но вопросов...» [Там же: 104], «Крестная» [Там же: 99]), ангелов и Италии [Там же: 80, 87], все отчетливее звучит тема поэтов и поэзии [Там же: 74—78, 89, 91], как будто пределы российского пространства преодолеваются, высветляется основное настроение — от отчаяния и страха к надежде и жалости.

Важным для понимания этих изменений становится цикл «Памяти Сергея Лукницкого» [Там же: 76—78] в третьей части книги. Некролог С. Лукницкому, ушедшему в високосном 2008 г., М. Ватутина опубликовала в журнале «Новый берег»: «Год назад ушел из жизни Сергей Лукницкий, великий романтик, талантливый писатель, последний отпрыск древних дворянских родов, сын выдающегося литературоведа, писателя Павла Николаевича Лукницкого, того самого человека, который был первым исследователем творчества Н. С. Гумилева и долгие годы спутником Анны Андреевны Ахматовой. Сергей Лукницкий был кандидатом географических и доктором социологических наук, действительным членом Русского географического общества РАН и целого ряда академий, журналистом, ученым энциклопедического масштаба... Павел Лукницкий завещал сыну продолжить то, что он не успел завершить, и довести дело реабилитации Николая Гумилева до конца... После окончания университета Сергей был приглашен в „Литературную газету“ специальным корреспондентом по РСФСР. Появилась возможность новых поездок, впечатлений, встреч с интересными людьми, но он все время помнил об обещании, данном отцу, очень трудному и опасному в то время делу реабилитации. Чтобы восполнить недостающее образование, С. П. Лукницкий поступил в Московскую юридическую академию... Из записей Сергея Лукницкого: „Занятие Гумилевым — судьба нашей семьи. А от судьбы, как известно, не уйдешь. Я прятался от нее четы-

режды: в „Литературной газете“, в Прокуратуре СССР, в МВД СССР, в Советском фонде культуры, но везде меня настигал рок, и я принужден был снова возвращаться к Гумилеву. Чтобы доискаться до правды, мне понадобился 21 год“ (использован материал интернет-издания „Аргументы недели“ 36 (122) от 4 сентября 2008 года) [Ватутина 2009]. Слово С. Лукницкого «доискаться» рифмуется с позицией лирической героини книги, ее желанием найти, откопать Терракотовую армию на территории России.

Во втором стихотворении цикла появляется образ, роднящий его с прежде рассмотренными стихотворениями:

*Я стану мудрее на треть,
Научена этим уроком.
Училка ботаники смерть
Рассыплет пыльцу над востоком.*

*Се пепел, казенный кувшин,
Пробившийся в темечко опыт...*

Образ «кувшина с прахом» ведет к стихотворению «Глечик» из самого начала книги, пепел-пыльца, оставшиеся от человека, — к черным точкам-семенам, символизирующим в книге Ватутиной память, преемственность и боль. Таким образом, *урна с прахом становится для книги одним из центральных структурирующих образов*, но Ватутина подчеркивает, что на этом человеческое бытие не заканчивается, что «это истина не вся».

В первом стихотворении цикла поэтесса размышляет о том, что происходит с миром после ухода мыслящего человека, каковым был Лукницкий:

*...Преображенный силой августа,
Теперь и с мертвенных орбит
Ты видишь: смерть — всегда
пожалуйста,*

Но ведь и после все болит.

*Болит пространство опустелое,
Откуда ты изъят, как тот
Сосуд из горки, чашка белая,
Что с детства в памяти живет.*

*И кажется, как в тихом омуте,
Вот-вот покажутся огни,
И закричит пространство в комнате,
Лишь только руку протяни.*

[Ватутина 2010: 76]

Ватутина подчеркивает, что после исчезновения человека его способность чувствовать сохраняется в пространстве, которое было занято им; присутствие человека в пространстве и времени, таким образом, словно меняет саму структуру, механику этого пространства, а значит, не только истори-

ческое время воздействует на личность, уничтожая ее, наполняя мир звериным воем страдания, но и сам человек благотворно воздействует на мир. И здесь, очевидно, можно говорить, что кроме абсолютного времени — без внесенных человеком мер, — кроме исторического времени, в книге присутствует и духовное время личности. В финальном стихотворении третьего раздела книги автор заключает: «Всякий всходит посвоему к бессмертию своему», что свидетельствует о серьезном изменении общего пафоса произведения — от страха и отчаяния к убеждению в присутствии в бытии смысла. Последние стихотворения книги — «Мне припомнилась тут картинка...» и «Всем! Всем! Всем!» — говорят о внутренней силе человека, его отваге в сражении с мороком социального устройства и судьбой.

В заключение вернемся к вопросу о названии книги. При том что сквозной для книги является тема времени, в заглавие вынесено пространственное обозначение: речь идет о *территории*. Полагаем, что «территория» здесь нужна прежде всего для того, чтоб акцентировать тему земли-могилы-гробницы, в которой захоронены терракотовые воины, и земли — хранительницы слоев истории. «Та территория» в книге — это, разумеется, прежде всего прошлое: и глубокое прошлое династии Цинь, и прошлое советской истории, и настоящее России, похожие отношением к человеку как глине, которую следует обжечь и использовать, как к гвоздю, который следует забить, сняв с плеч не только шляпку, но и голову. Движение сквозь времена придает книге пространственное измерение, подчеркнутое образом гумилевского трамвая, заблудившегося «в бездне времен», — так Ватутина еще раз вспоминает о Сергее Лукницком:

*Шел трамвай. Ужасный номер.
Вез меня и пару из
Вот таких же, кто не помер,
Но конкретный эпикриз...*

*— Осторожно, закрываю,
Двери, — гаркнул рулевой,
Но челночная, чумная
Баба бьется за кормой.*

*— Всё! — кричит в свой репродуктор
Наш кондуктор, мне то что,
Что зашелся твой редуктор,
Инвалид — купи авто...*

*И, рычаг сжимая властно,
Погнала она трамвай —
Номер все-таки ужасный,
Цвет дурацкий, звонкий лай.*

[Там же: 59]

Конечно, более очевидным подтекстом, лежащим на поверхности, оказывается песня Аркадия Северного «Шел трамвай десятый номер. На площадке кто-то помер...», главный герой которой — подвыпивший человек — оказывается в вырезивеле. Данный подтекст, безусловно, поддерживает линию исторического бытия, бесправного и задавленного социумом человека. С гумилевским стихотворением текст М. Ватутиной тоже многое сближает: и образ рулевого — «вагоновожатого», и скорость трамвая («летел трамвай» у Гумилева, «погнала трамвай» женщина-водитель у Ватутиной), особый резкий звук, издаваемый трамваем («грай» у Гумилева, «звонкий лай» у Ватутиной).

Итак, лирическая книга М. Ватутиной «На той территории» в качестве центральной разрабатывает тему времени и памяти. Рамочный комплекс книги — названия стихотворений, ее обложка — задают тему времени как сквозную.

В первой части книги задана тема погружения в землю, которая, во-первых, связана со значением смерти и захоронения, во-вторых, с темой раскопок — аналитического взгляда на историческую действительность. Ставится вопрос о том, что делает историческое время с человеком; Ватутина отвечает на него в последних стихотворениях раздела: время превращает человека в терракотового воина, раба системы/вождя, глину и гужон — новый извод человека-гвоздя. Основной пафос раздела, в котором есть и экспозиция, и завязка, и кульминация, и развязка, — трагический. Образы кладбища, урны с прахом появляются именно в этой части и сохраняются до конца книги, меняя семантику, т. е. обретая статус лейтмотива.

Во второй части книги М. Ватутина исследует не столь далекое прошлое, как в первой: это советское время и живая современность. Обнаруживается, что прошлое и настоящее одинаково жестоки, наполнены экстремизмом, дискриминацией; в качестве примеров названы кавказский религиозный экстремизм, нацизм, советская идеология.

Узловым для третьей части книги является цикл «Памяти Сергея Лукницкого». Поэтесса ставит вопрос о роли мыслящей личности в истории и приходит к выводу о том, что человек способен изменять механику исторического времени, оживлять, одухотворять его. В данном разделе пафос книги высветляется, появляются стихи об ангелах-хранителях, о творчестве, о друзьях-поэтах, преодолеваются границы Российского пространства (стихи об Италии).

Наконец, в четвертом разделе лирическая героиня предается воспоминаниям —

о детстве, юности, первой любви, о родных, подругах, которые своей жизнью демонстрировали, по мере возможностей каждого, отвагу и силу духа; повествование об историческом времени переходит в чистую лирику — в историю души.

Сильной скрепой для лирической книги Ватутиной становится мотивный комплекс. Мотивы, работающие на создание образа исторического времени, — мотивы болезни, огня пожирающего, земли, праха, трухи, железа/бетона, антитеза «люди — звери». Образ человеческого, или духовного времени создается с помощью мотивов боли, памяти, родства, сверхтекстовых отсылок к семье Лукницких.

Образы гробницы и урны соединяют темы исторического и духовного времени, поскольку не только говорят о конечности человеческого существования, но и о памяти, почтении к предкам, боли от расставания с близкими.

Образ лирической героини центрирует книгу М. Ватутиной. Не только тем, что героиня осознает себя частью социального порядка, жертвой советского режима, плотью его, «терракотовым человеком», но еще и тем, что именно ей принадлежит мысль о необходимости активного отношения к истории и прошлому: из объекта археологических раскопок она становится субъектом истории. Лирическая героиня выступает в книге дочерью, внучкой — частью своей семьи, страны, — но важнее, что она понимает свою роль как материнскую: она и мама поздно родившегося желанного сына, и мать поэтов-«детушек», ушедших и пока живущих, и всех тех, кто был лишен жилищ и могил в разные эпохи нашей истории. В этом смысле очень значим финал книги, неоднократно цитируемый в рецензиях. Финальная строфа стихотворения «Всем! Всем! Всем!» представляет собой обращение лирической героини к советской девочке, обделенной и маминым вниманием, и маминой любовью — просто потому, что была «такая уж эпоха»; эти слова обращены к целому поколению, которое вполне могла ожидать участь солдата «Терракотовой армии»:

*Не умела сказать наша девочка,
что в условиях нелюбви
Человек сам себя не любит, и любить-то
бывает нечего — не завезли.
Не возлелеяли, не созрели, не счистили
скорлупу до белка, до любви.
Девочка, ты наша девочка, нелюбимая
наша девочка, плыви, плыви.*

[Там же: 122]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артис Д.* Мария Ватутина. Ничья. — СПб. : Геликон-плюс, 2011 [Рецензия] // Поэтоград. 2012. № 15 (30). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=4891&PHPSESSID=08dfb88ac49c141c0de1be92fe2c4fbd> Дата обращения: 20.08.2013.
2. *Блог Натальи Горбаневской.* URL: <http://ng68.livejournal.com/433105.html> (дата обращения: 20.08.2013).
3. *Ватутина М.* На той территории. — М. : Арт Хаус медиа, 2010.
4. *Ватутина М.* Памяти Сергея Лукницкого // Новый берег. 2009. № 24. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/24/va9.html> (дата обращения: 20.08.2013).
5. *Волгин И.* «Времена наступают другие...» (послесловие к книге М. Ватутиной) // Перемена времен / М. Ватутина. — М. : Русский двор, 2006. URL: <http://www.volgin.ru/public/1252.html> (дата обращения: 20.08.2013).
6. *Гандельсман В.* «Так красиво. Глаз не отвесь» // На той территории / М. Ватутина. — М. : Арт Хаус медиа, 2010. С. 3—9.
7. *Кушнер А.* Книга стихов // Вопросы литературы. 1975. № 3.
8. *Петрова С.* Китайская Терракотовая армия: археологи нашли еще 100 статуй терракотовых воинов. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/63439/86/> (дата обращения: 20.08.2013).
9. *Самойлов К. И.* Морской словарь. — М. ; Л. : Государственное Военно-Морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sea/2403/%D0%93%D0%A3%D0%96%D0%9E%D0%9D> (дата обращения: 20.08.2013).
10. *Северный А.* Шел трамвай десятый номер. URL: http://www.shansonprofi.ru/person/severnyi/lyrics/severnyi_shel_tramvay_desyatyy_nomer_.html (дата обращения: 20.08.2013).
11. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. — Л. : Советский писатель, 1987.
12. *Явлюхина Н.* Ток-шоу про ад // Знамя. 2010. № 6. — Рец. на кн.: На той территории / Мария Ватутина. — М. : Арт Хаус медиа, 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/6/ia18.html> (дата обращения: 20.08.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская